

Духовная культура Беларуси в поэтическом пространстве современной русскоязычной литературы страны

Сердюкова Екатерина Ивановна,

старший преподаватель кафедры литературы и межкультурных коммуникаций
Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова

Исследование русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX — начала XXI века в контексте диалога культур предусматривает необходимость изучения данного феномена в ракурсе межтекстового взаимодействия с достоянием словесного искусства республики как части её культурного наследия. Расширение границ предмета научного анализа продуктивно для постижения и оценки современной русскоязычной поэзии сквозь призму самобытной белорусской культуры.

Показательным в этом направлении оказалось исследование творчества А. Аврутина, Г. Артханова, Т. Красновой-Гусаченко, В. Поликаниной, Ю. Сапожкова, Э. Скобелева, Б. Спринчана и других авторов.

Например, Тамара Краснова-Гусаченко в своём стихотворении «Родная мова» поэтически воссоздаёт языковую ситуацию современной Беларуси, иллюстрируя действующее в республике двуязычие употреблением слов из арсенала двух государственных языков. Стихотворение написано на русском языке, однако это не только не мешает автору встраивать в поэтическое пространство слова и выражения на

белорусском языке, но и помогает раскрыть авторскую идею, содержащуюся в тексте. Т. Краснова-Гусаченко выявляет предназначение белорусского языка для населения страны, а фактически устанавливает роль любого национального языка в контексте использования его коренным народом, для которого он является родным.

*«... А «мова» была беззащитна, /
Не для лжи рождена, для пресветлой
молитвы, / Рождена для того, чтобы
нежно «назваці» / Мог ребёнок роди-
мых и «тату» і «маці». / Над «каль-
скаю» ласкова песню «спяваці», /
Чтоб служыць процветанню родного края, /
Чтоб сказаць тише зореньки ясной —
«кахаю». / «Мова, родная мова», прости
и живи, / Только волюшкой доброй и
только в любви!» [1, с. 10].*

Главной задачей поэтессы выступает сформированная личной потребностью необходимость донесения до читателя чувства любви к Родине и демонстрации трепетного отношения к белорусской культуре в целом.

Прояснение ситуации самоопределения творческой единицы и самоощущение родной земли — вот, что находит вдумчивый читатель в

произведениях русскоязычной литературы Беларуси.

Тамара Краснова-Гусаченко родилась в России, но этот факт не мешает ей чувствовать себя белоруской и восторженно утверждать: *«а белорусская земля — / по крови — родина моя, / судьбы моей соцветье, / ведь здесь родились дети / и внуки...»* [1, с. 3].

И подобных человеческих, а следовательно, и творческих судеб немало в текстовом пространстве современной русскоязычной литературы Беларуси. Остаётся лишь узнать информацию о месте рождения и взросления, а также становления писательского таланта некоторых художников слова (например, Г. Артханова, В. Поликаниной, Ю. Сапожкова, Б. Спринчана и др.). Или провести попытку идентификации посредством анализа их поэтического наследия. У некоторых авторов в большей степени проявляется белорусская идентичность, у других — русская картина мира или восточнославянская.

Исследуем творчество тех поэтов, чьи души и мысли, трепет и замирание сердца принадлежат белорусской земле, культуре и искусству.

Валентина Поликанина родилась в г. Кричеве Могилёвской области. Из её стихотворения «Корни», а именно из поясняющего лирическое произведение текста, читатель узнаёт подробности семейной истории поэтессы. Она пишет: *«Родина моей матери — Беларусь, родина отца — Россия. Мне никогда не различить в сознании эти две родины, потому что они навсегда слились в моей крови»* [2, с. 140]. И далее, непосредственно в лирическом тексте, В. Поликанина признаётся: *«Хоть язык мой — русский, сердцем — белоруска»* [2, с. 140]. Поэтесса художественно описывает родину и, идентифицируя свою национальность, определяет себя так: *«...добровольно стала пленницей природы / И архитектуры Гамеля и Гродно»* [2, с. 140].

Судьба ещё одного русскоязычного поэта Беларуси Бронислава Спринчана

отмечена схожими мотивами. Он родился на территории Украины, а жизнь прожил в Беларуси, познакомившись с культурой и народными традициями нашей страны. Таким образом, Беларусь и всё, что с ней связано, навсегда остались в его сердце и творчестве.

В стихотворении «Другу» поэт устанавливает своё происхождение, собственные «корни», которыми являются Украина и Беларусь, и проводит исторические параллели, сближая тем самым две страны: *«Есть что-то у нас от Филона Гаркуши, / Есть что-то у нас от Антона Небабы»* [3, с. 123].

Для верного истолкования прецедентных имён собственных, к которым апеллирует автор в тексте, есть сноски уточняющего характера. Так, читатель доподлинно понимает, что упомянутые участники освободительной войны белорусского народа (1648—1651 гг.) Гаркуша и Небаба родились на Могилёвщине и Киевщине соответственно.

Название стихотворения «Сокровенное» раскрывает трепетное отношение к предмету разговора, который инициирует поэт. Б. Спринчан, воспекает жизнь *«на светящей земле Скорины»* [3, с. 8]. Вспоминает «Жалейку» раннего Янки Купалы, обращается и к Якубу Коласу, его отрывку «Мой родны кут...» из поэмы «Новая земля». Жизненной опорой, той незыблемой истиной, которая жить помогает, становится для лирического героя буквально каждая строчка «Новой земли», сравниваемая автором с соснами векового бора. И далее душу наполняют *«строфы Богдановича Максима / Из его священного «Вянка»* [3, с. 9]. Следуя за потоком воспоминаний, мысль лирического героя настраивается на строку *«А дні ідуць...»* из Петруся Бровки. Импровизированное путешествие по национальным образцам лучших литературных памятников заканчивается в стихотворении Б. Спринчана следующими строками: *«Ощущая почву под ногами, / Прохожу я по родной земле»* [3, с. 9].

Таким образом, родной землёй Бронислав Спринчан и другие русскоязычные поэты Беларуси (Т. Краснова-Гусаченко, В. Поликанина) считают белорусские просторы, а доминирующим творческим ориентиром для них выступает наследие белорусской литературы. Это позволяет определить белорусскую культуру как один из важнейших источников прецедентной информации в контексте диалога культур, символизирующего современный литературный процесс Беларуси на русском языке.

Вопросы национально-культурного определения современных русскоязычных писателей Беларуси представляют значительный интерес для гуманитарных наук на нынешнем этапе их развития. Белорусские учёные неоднократно обращались к исследованию этих проблем. Например, Е. А. Болтовская и О. А. Лавшук в статье «Моделирование культурного пространства в современной русскоязычной поэзии Беларуси» указывали на вариативность в вопросе самоидентификации среди белорусских поэтов, пишущих преимущественно на русском языке. «Важнейшим обстоятельством, которое направляет исследование культурного пространства современной русскоязычной литературы Беларуси, является признание того, что выбор языка творчества и выбор национальной и культурной идентичности не всегда совпадают. Каждый из русскоязычных писателей Беларуси по-своему определяет свои взаимоотношения с русской и белорусской культурными традициями, но вопрос национально-культурного самоопределения важен для всех» [4, с. 81].

Как было отмечено ранее, в рамках межкультурного диалога реализуется интертекстуальный приём — включение слов на белорусском языке в поэтический текст, написанный на русском. Расширяя функциональный арсенал диалогических отношений русскоязычной

поэзии Беларуси с национальным своеобразием в разных областях жизнедеятельности, писатели обогатили резерв интертекстуальных маркеров. Так, современные русскоязычные поэты Беларуси часто в своих стихотворениях называют различные географические объекты, которые находятся на территории страны.

Стихотворение Б. Спринчана «На кругозоре — Родина» — своеобразный путеводитель по городам и городским посёлкам практически всех областей Беларуси. Радунь, Кличев, Орша, Любань, Старобин, Антополь, Лунинец, Дрогичин, Вязьнка — и это далеко не полный список мест, вдохновляющих лирического героя данного произведения. Читатель имеет уникальную возможность не только насладиться красотой природы земли белорусской, но и актуализировать некоторые предания, исторические ситуации, относящиеся к обозначенным территориям. Итогом этого виртуального путешествия становятся строки: «Дом... *Песняра наследие... / А перед взором — Родина, / И все её столетия, / И всё, что нами пройдено*» [3, с. 13].

Поэт отсылает читателей к историческому прошлому времён Великого княжества Литовского, упоминая, например, события восстания, в ходе которого «*изгуменские ратаи / разбили Яна Паца — / Державного карателя...*» [3, с. 11]. Также исторические заимствования касаются значимой фигуры Софии Слуцкой, которая «*...за веру, за обычаи / Пройдя сквозь экзекуции, / На пьедестал величия / Взошла...*» [3, с. 12].

Оживают исторические картины и в лирическом произведении Б. Спринчана «Не все Радзивиллы с мечами...». Автор показывает образы положительных героев того времени, которые «*благими делами / свой княжеский титул венчали*» [3, с. 16].

В произведениях других выдающихся русскоязычных поэтов Беларуси второй половины XX — начала XXI века

также отмечается потребность в определении географического положения своего лирического героя. При чтении стихотворения «Эти светлые названия...» Анатолия Аврутина можно проникнуть в сознание героя и прочувствовать весь спектр душевных вибраций, которые он испытывает к родной земле: «*Мир над миром, тишь над Ланью, / Вновь в Печах дымы видны... / Эти светлые названия / Белорусской стороны*» [5, с. 272].

В поэтических зарисовках Эдуарда Скобелева отчётливо идентифицируется принадлежность мыслей лирического героя земле белорусской («Баллада о Нарочи», «В “Соснах”», «Воистину морская гладь...» и др.).

Несколько иначе выглядит художественное пространство в стихотворениях Валерия Гришковца, который родился в Пинске, но значительную часть жизни проводит в России («Между Смоленском и Оршей», «Дно», «Славянская задравная», «Прощание белоруса с Кремлём», «Мой белый свет — Отчизна, Беларусь...» и пр.). Лирический герой тоскует по родным местам и всей душой стремится домой.

У Бронислава Спринчана к указанной группе относятся следующие тексты: «Огонь Надежды», «Краснополье, красные ворота, яркие старинные названия...», «Заславль», «Браславские озера», «В Налибокской пуше», «Заповедный уголок», «Липы Коласа в Смольне» и др. Стихотворение «Заславль» повествует не только о местности, но и об историческом прошлом, этимологии названия города в Минской области. Поэт упоминает деятеля искусства, который жил в этой местности и смог привнести значительный вклад в её развитие («*Будный Симон — философ, поэт, просветитель*») [3, с. 42]. Автор доверяет своему лирическому герою провести экскурсию по Заславлю, рассказать, чем знаменита эта территория («*Заславль златоглавы — духовности нашей устой*») [3, с. 42], и завершает произведение призывом к «сему

граду»: «*Возродись, / На все времена утвердись / На щедрой земле Беларуси*» [3, с. 43].

Ещё одним приёмом осуществления диалога культур, а следовательно, и продуктивной коммуникации, направленной на взаимообогащение белорусской и русской наций в области языковедческой практики, выступает встраивание белорусизмов, отдельных слов и/или выражений на белорусском языке в поэтическую канву произведений, написанных на русском языке. Это отличает творчество отдельных писателей современной русскоязычной литературы Беларуси. Подобное двуязычие как интертекстуальный приём позволяет установить факт осознанного литературного сближения двух наций, их культурного наследия.

На характерную для белорусской литературы черту, связанную с признанием и благодарностью русской культуре и русскому языку, указывал Н. Н. Арошко в фундаментальном труде, посвящённом детальному исследованию истории белорусско-русских литературных связей: «Руской культуры, рускай мове нямала прысвечана радкоў шчырага прызнання і ўдзячнасці нашых беларускіх паэтаў. <...> “Любімая і родная” — так дакладна ўжо самой назвай верша С. Грахоўскі вызначыў сваё дачыненне да дзвюх братніх моў — рускай і беларускай. Для кожнай з іх ёсць месца ў сэрцы» [6, с. 170].

Использование этого интертекстуального приёма в контексте диалога культур характерно и для представителей русскоязычной поэзии Беларуси. Проанализируем его на конкретных примерах из числа произведений А. Аврутина и Б. Спринчана.

Лирический герой Анатолия Аврутина охотно выступает посредником в диалоге культур двух народов, показывая тем самым пример объединения наций в непростое время и непростых условиях, когда все «*на пределе? на сколе? на грани?*» [5, с. 100]. Талант

и огромное желание выразить любовь к Беларуси и России позволяют автору объединять слова на разных языках, людей и их чувства в единое поэтическое пространство.

Белорусский учёный Н. И. Мищенчук, рассуждая о творчестве Б. Спринчана, совершенно справедливо отметил, что русскоязычный писатель Беларуси, оказавшись на территории БССР в 1949 году, «постепенно “врался” в белорускость, становился в ряд с теми поэтами, которые писали на понятном и ему одном из славянских языков, которым он не овладел в совершенстве, а потому и остерегался на нём писать. Но зато гомсельмашевский парень начал <...> процесс познания братского народа, психологии людей, неповторимой красоты природы, своеобразного, насыщенного звонким “дзе” и густым “чаго”, как высказался по этому поводу Пимен Панченко, языка. Он не стеснялся наращивать потенциал белорускости через пополнение лексического состава своей поэзии белорусизмами» [7, с. 140].

В стихотворении «Лунный лик» Бронислав Спринчан, играя словами на разных языках, словно жонглируя ими, поясняет значение астрономических явлений, относящихся к описанию фаз луны, — новолуния и полнолуния. С помощью наглядных примеров из перечня бытовых предметов труженика села поэту удаётся продемонстрировать внешний вид указанных фаз луны: «*Если молодой, то — молодик, / А ущербный, / тусклый, / ветхий — ветях. // <...> Молодик, / как выкованный серп, / Для закалки брошенный в запруду*» [3, с. 39]. Также автор даёт определение рассматриваемых явлений (*молодик и повня*) путём актуализации знаний из области народных традиций и праздников, способствуя тем самым возрождению национального самосознания белорусов.

Географическое пространство стихотворения «На Ислочи» обозначено

в его заголовке — речь идёт о писательской усадьбе «Ислач» [3, с. 70]. Б. Спринчан приводит на белорусском языке не только название известного дома творчества в агрогородке Раков под Минском, но и такие слова, как «вершы», «Дабранач!» [3, с. 70]. Лирический герой «ведёт беседу» с белорусской писательницей Ольгой Куртанич. Она известна как белорусскоязычный автор, но в её творческом арсенале есть сборник оригинальной поэзии на русском языке «В блистании строк...».

Истолкование значений белорусских слов встречается в качестве смыслопорождающего фактора и приёма трансляции диалога культур и в других текстах Б. Спринчана. Например, стихотворение «Февраль в лесу» призвано не только воссоздать в словесной форме уникальность природного и животного миров в зимний период времени, но и объединить русские и белорусские реалии. Делает это автор с помощью толкования названия месяца февраля на белорусском языке: «*Злой февраль недаром с давних лет / В Беларуси называют лютым*» [3, с. 91].

Таким образом, в поэзии обозначенных художников слова встречаются стихотворения, в которых им удаётся не только сгенерировать идейную составляющую поэтического текста, используя лексику на белорусском языке, но и предоставить её художественное толкование, расшифровывая тем самым смысловое содержание всего литературно-художественного творения.

Масштабно представлен в современной русскоязычной поэзии Беларуси такой тип межтекстовых взаимодействий, как паратекстуальность — взаимосвязь текста и его частей (названия, подзаголовок, эпиграфа и др.).

Заголовок (заглавие, название и подзаголовок) стихотворения обладает относительной автономностью, но вместе с тем он неотделим от произведения и включает в себе контекст основного текста. Приведём примеры нескольких

ихотворений, в названиях которых люстрируется эта особенность и проживается тематическая направленность произведений: «Из цикла стихов “Памяти Максима Богдановича”», «Заричи», «Домик в Орловщине» и др. В. Поликаниной; «Липы Коласа в мольне», «Белорусские берёзы», «Бития Скорины», «Родники Беларуси» др. Б. Спринчана; «Снова белится озеро-Белица», «Кирилле Туровскому», «Памяти полесских глухарей» и др. М. Фатнева.

Общее название произведения Вантины Поликаниной «Из цикла стихов “Памяти Максима Богдановича”» напрямую адресует читателя к творчеству выдающегося белорусского писателя. Общий заголовок содержит ещё и подзаголовок, позволяющий установить конкретную причину обращения поэты к наследию Богдановича: «Впечатление от посещения филиала-музея “Беларуская хатка”» [2, с. 68]. Читая этот цикл, словно попадаешь на экскурсию по дому, где в 1916–1917 годах жил классик белорусской литературы.

Поликанина не столько затрагивает тематические вопросы с описанием интерьеров, сколько проникает в глубь души творческой личности и восполняет информацию в памяти своих современников о значении художников слова для истории и национальной культуры в лице Максима Богдановича: «Поэт... Он прежде бы обычный человек. / Но вечный хранитель добра по белу свету. / А словом хранится народ из века в век... / Великие родины всегда — в её поэтах» [2, с. 72]. Представлен в композиции рассматриваемого цикла и авторский перевод текста «Триолет» М. Богдановича.

Обратимся к особенностям использования в русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX — начала XXI века эпиграфа в статусе «чужого» языка, которое в контексте авторского текста служит ключом к расшифровке тематического и смыслового уровней произведений.

Б. Спринчан использует в качестве эпиграфов к своим стихотворениям строки из литературно-художественного наследия белорусских писателей. В стихотворении «В светлый день» поэт приводит следующий эпиграф: «Возера глыбокае, як памяць...» П. Бровка [3, с. 53]. В написании самого эпиграфа присутствует двуязычие: лирические строки на белорусском языке, а указание их автора на русском. Этот же приём наблюдается и в самом тексте. Поэт органично встраивает эти слова и выражения в ткань стихотворения, не акцентируя на них внимание.

Лирический герой следует мимо «вёсок и полей / Молодого красочного лета» [3, с. 53] в родную деревню Петруся Бровки, и на расстоянии вытянутой руки от него оказывается «голова Аляся Письменкова. / Справа — рядом — Свирки Юрася / Голова с густою сединою» [3, с. 53–54]. Авторская отсылка к этим представителям белорусской литературы воспринимается как знак памяти, о которой говорится в эпиграфе. Таким образом, у лирического героя есть все основания утверждать: «В светлый день друзья мои со мною» [3, с. 54]. Оказавшись в импровизированной «купели озера Волчо — / Озера глубокого как память» [3, с. 54], герой объединяет десятилетия культурного развития белорусского народа и делает эпиграф, а точнее его контекстное употребление в данном стихотворении, понятным и смыслообразующим.

Эпиграфы на белорусском языке присутствуют и в других лирических текстах Бронислава Спринчана. Например, в стихотворении «В храме леса» поэт использует строки «На Беларусі Бог жыве...» В. Короткевича [3, с. 56]. Вновь прослеживается отмеченное выше двуязычие в отношении самих строк эпиграфа и указания его автора. Лирический герой произведения искренне верит в то, что Бог живёт на территории Беларуси и проявления его жизни касаются прежде всего природы

и, конечно же, самого человека. Межтекстовое взаимодействие строится по структурной модели интертекстуального типа «Текст — Эпиграф».

Таким образом, белорусская культура выступает в качестве одного из источников межтекстового взаимодействия благодаря следующим интертекстуальным компонентам:

1) белорусизмы (отдельные слова и/или выражения на белорусском языке) в поэтическом пространстве

современной русскоязычной литературы Беларуси;

2) прецедентные имена собственные из числа писателей белорусской литературы;

3) названия художественных произведений белорусских писателей;

4) эпиграфы, отсылающие читателей к пространству белорусской литературы;

5) названия географических объектов различного значения, территориально относящихся к Республике Беларусь.

Літаратура

1. *Краснова-Гусаченко, Т. И.* Я пришла... : стихи / Т. И. Краснова-Гусаченко. — Минск : Маст. літ., 2006. — 110 с.
2. *Поликанина, В. П.* Да будет день : избранное / В. П. Поликанина. — Минск : Маст. літ., 2008. — 221 с.
3. *Спринчан, Б.* Вербная неделя : стихи / Б. Спринчан. — Минск : Маст. літ., 2002. — 254 с.
4. *Болтовская, Е. А.* Моделирование культурного пространства в современной русскоязычной поэзии Беларуси / Е. А. Болтовская, О. А. Лавшук // Наук. пр. Кам'янець-Поділ. нац. ун-ту. Філол. науки. — 2015. — Вип. 38. — С. 81—85.
5. *Аврутин, А.* Наедине с молчанием : кн. поэзии / А. Аврутин ; предисл. А. Андреева. — Минск : Маст. літ., 2007. — 303 с.
6. *Арочка, М. М.* Пасляваенны час. Паэзія / М. М. Арочка // Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей : у 4 кн. / Акад. навук Беларусі, Ін-т літ. — Мінск, 1995. — Кн. 4 : Перыяд Вялікай Айчыннай вайны і пасляваенны час, 1941—1992 / В. В. Жыбуль [і інш.] ; рэд. В. А. Каваленка. — С. 41—174.
7. *Мищенко, Н. И.* Процесс «врастания» русскоязычной поэзии в литературный процесс Беларуси (на примере творчества Б. Спринчана) / Н. И. Мищенко // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай : матэрыялы IX Міжнар. навук. канф., прысвеч. 70-годдзю філал. фак. Беларус. дзярж. ун-та, Мінск, 15—17 кастр. 2009 г. : у 2 ч. / Беларус. дзярж. ун-т ; пад рэд. В. П. Рагойшы. — Мінск, 2010. — Ч. 1. — С. 139—143.

Материал поступил в редакцию 20.04.2021.